

Р. Ф. Брандт

**Краткая фонетика и
морфология чешского языка**

Лекции

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Р11

Р11 **Р. Ф. Брандт**
Краткая фонетика и морфология чешского языка: Лекции / Р. Ф. Брандт – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 50 с.

ISBN 978-5-518-06055-5

ISBN 978-5-518-06055-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сохраняемаго до сихъ поръ у Нѣмцевъ), округлая «антиква» (шрифтъ «латинскій»). Впрочемъ въ книгахъ для народа и богослужебныхъ «швабахъ» еще не вывелся.

Фонетика.

Гласные звуки.

Уже выше замѣчено мимоходомъ, что въ чешской рѣчи существуютъ *долгіе гласные*, которые обозначаются удареніемъ: *draha* (дорога), *drahá* (дорогая), *draha* (дорога); *mléko* (долгое *e* въ просторѣчии обыкновенно переходитъ въ *i*—*mlíko*); *síla*; долгое *o* употребляется только въ восклицаніи: *ó!* и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ словахъ; *ú* встрѣчается лишь въ началѣ словъ, наприм., *úřad* (читается также *ouřad*)—должность. Въ чешскомъ языкѣ *ü* обыкновенно изображается чрезъ *ů*, потому что этимологически оно равно старочешскому *ō*: *dům*=*dóm*. Знакъ *ý* соответствуетъ въ новочешскомъ языкѣ этимологически нашему *ы*, но фонетически совпадаетъ съ *i*; встарь они дѣйствительно различались. *Ů* также является съ акутомъ: *bŭk*. Акуть, который ставится надъ гласными для обозначенія долготы, не можетъ быть принятъ за знакъ ударенія, потому что *удареніе* въ чешскомъ языкѣ не приходится отмѣчать: оно всегда падаетъ на опредѣленный слогъ, именно на начальный, при чемъ предлоги при существительныхъ и отрицаніе при глаголахъ считаются съ ними за одно слово: *žèna*, *vítěziti* побѣдить (знакъ *˘* ставится надъ *e* для обозначенія мягкости предшествующаго ему согласнаго), *ùmlknouti*, *něbudu* (отрицаніе пишется слитно съ глаголомъ), *něparojíte*, *na pole*, *dò poledne*. Исключеніе составляютъ двусложные и трехсложные предлоги, которые сравнительно недавно имѣли самостоятельное удареніе: *skrze lès*, *kolem Pràhu*; удареніе не переходитъ и въ томъ случаѣ, когда предлогъ изъ двусложнаго дѣлается односложнымъ: *skrz lès*.

Ѣ и ѡ, какъ вообще въ новославянскихъ языкахъ, то нѣмѣютъ, то проясняются. И тотъ, и другой глухой даетъ *e*, такъ что **Ѣ** и **ѡ** совпадаютъ. Примѣры на *e* изъ **Ѣ**: *sep* (сѣнь), *ródникъ snu*; *revnú* крѣпкій (* *пъвънь*, одного корня съ глаголомъ *пъвати*, *оупъвати*);

ret—rtu (губа); lež—lži (ложь). Иногда аналогія вводитъ *e* и въ открытый слогъ, гдѣ по первоначальной фонетикѣ должно было произойти выпаденіе. Какъ въ русскомъ языкѣ слово *мox* (*мѣхъ*) имѣетъ *o* или бѣглое, или постоянное: *мха* и *моха*, такъ и въ чешскомъ *mech* образуетъ *mechu* и *mechu*. Такъ же *rež* имѣетъ *rži* и *reži*; *bez* (бузина)—*bzu* и *bezu*.

Звукъ *ъ*, какъ уже сказано, тоже проясняется въ *e*: *den*, родникъ *dne*, *lev*—*lva*, *otec*—*otce*. Вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что *р* передъ *ъ* становится шепелявымъ: *křest*=*крѣсть* (значить: крещеніе; крестъ—*kříz*)—*křtu*. Слово *орѣлъ* должно было бы дать *ořel* (въ польскомъ языкѣ дѣйствительно *orzeł*), но косвенные падежи *ořla*, *lu* и т. д. оказали вліяніе на назывный, и стали говорить *ořel*. Слово *lep* даетъ въ родникѣ *lpu*, но имѣется также и *lepu*.

Вслѣдствіе того, что изъ двухъ глухихъ проясняется первый, а изъ трехъ средній, у нѣкоторыхъ словъ на *ѣцъ* появилось перемѣщаемое *e*: *žnes*—*žence*, *šves* (сапожникъ)—*ševce*: *жнѣць*—*жнѣца* и *швѣць*—*швѣца*. Встарину тоже явленіе замѣчалось въ окончаніи *ѣуць*, напр. *domček*, родникъ *doměski*; но потомъ косвенники навязали назывнику свое *e*, и стали говорить *doměsek*.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ староцерк. *ъ* и *ѡ* имѣютъ особое употребленіе, именно служатъ для обозначенія слоговости *р* и *л*, или же, по другому пониманію—для обозначенія предшествующихъ этимъ звукамъ глухихъ. Такъ, въ праславянскомъ мы предполагаемъ формы *тѣргъ*, *вѣлкъ*, *сѣрдѣце*, *жѣлтъ*, или же: *тргъ*, *срдѣце*, *влкъ*, *жлтъ*. Чешскій языкъ сохраняетъ слоговые согласные, или же (если здѣсь были *з* и *ѣ*) вновь развилъ такіе согласные. Имѣются, такимъ образомъ, *р* и *л* слоговые: *hrdý*, *křcma*, *vlk*, *mlčeti*, *srdce*, *zrno*, *mlznouti* лизнуть (сродни староцерк. *мльстн*—*мльж*—доить). Иногда въ чешскомъ языкѣ *г* и *!* бываютъ вторичными, и являются тамъ, гдѣ первоначально были *р* и *л* согласные съ послѣдующимъ *з* и *ѣ*, ставшіе слоговыми, попавъ въ необычное положеніе, между двумя согласными. Очень ясный примѣръ этого представляетъ слово *крѣкъ*—*křev*, родникъ *křve* (-i). Очевидно здѣсь мы имѣемъ правильное проясненіе глухого, стоявшаго позади плавнаго; въ юсвенныхъ падежахъ *ъ* долженъ былъ выпасть, и должно было получиться односложное *křve*: по-польски дѣйствительно произносятся въ одинъ слогъ: *křew*—*křwi*; односложность существовала и въ чеш-

скомъ языкѣ, что доказывается старочешскими стихами. (Естественно думать, что kꙋvè дало сперва kꙋvè, а потомъ уже стало kꙋve). Совершенно аналогичное слово **брѣѣ**, польское brew-brwi, звучитъ по-чешски brv. Здѣсь назывно-винильный падежъ примѣнился къ остальнымъ *). Такого же рода l имѣется въ глаголѣ hlátati **глатати**, и въ глаголѣ plvati **плѣвати**. Слѣдуетъ еще замѣтить, что чешскій языкъ не вездѣ, гдѣ мы ожидаемъ, представляетъ l—именно вмѣсто староцерк. лѣ, русск. ол, мы иногда находимъ lu; это же lu является вмѣсто староцерк. лѣ: pluk—**плѣкъ**, dluh **длѣтъ** (debitum), ělun **ѣльнѣ**, žlutý **жлѣтъ**. «Долгій» будетъ dlouhý; словацкое нарѣчіе представляетъ здѣсь l долгое: dl'hu (за то y—краткое, такъ какъ въ словацкомъ нарѣчій двухъ долгихъ слоговъ рядомъ не бываетъ). Двойственность l и lu, какъ мнѣ думается, основана на доисторическомъ удареніи: при спускномъ (нисходящемъ) удареніи мы имѣемъ l, при подъемномъ (восходящемъ)—lu. Въ такомъ случаѣ выговоръ pluk основанъ на косвенныхъ падежахъ: p'lk, p'ku, а выговоръ dluh развился во множномъ числѣ: вѣдь по-русски долги, долговъ.

Вмѣсто г чешскій языкъ имѣетъ иногда слогъ ег—это бываетъ послѣ шипящихъ ś и ž: старочешскія и словацкія ěrný, ěrpati žgnov, žrd' по-новочешски звучатъ černý, ěrpati, žernov, žerd'.

Такъ какъ слоговые г и l не отличаются на письмѣ отъ неслоговыхъ, то надо дать правило, какъ отличать ихъ. Вотъ это правило: буквы г и l тогда составляютъ слогъ, когда имѣютъ передъ собой согласную букву, не имѣя за собою гласной. Указанное правило можно разбить на два: г и l составляютъ слогъ, когда стоятъ между двумя согласными: trh, vlk, или въ концѣ слова послѣ согласной: bratr, nesl (несъ). Такимъ образомъ, г и l въ началѣ слова, хотя бы передъ согласною, слога не составляютъ: gváti, lháti.

Звукъ ѣ получаетъ двоякую замѣну, смотря по тому, является ли краткость, или долгота. При краткости мы находимъ e, первоначально съ предшествующей мягкостью. Мягкіе звуки слышатся напр. въ прикладѣхъ pězný и въ предметникахъ tělo и děvče (малорус. дівчá дѣвушка). Въ словахъ же pěna, běh, měd' и věděti—послѣ согласныхъ губныхъ — слышится почти j: pjena, bjeh, mjed', vjed'et; въ словѣ

*) Слогъ рѣ никогда не превращается въ г. **крѣсть** звучитъ, какъ мы уже видѣли, křest-křtu. **хрѣбѣтъ**—hřbet.

les—і средний. Когда **ѣ**-ю соответствуетъ звукъ долгій, то этотъ звукъ есть *í*, напр. *míra*, *bílý*, *sníh*. Звуки *í* и *ě* не проходятъ по всѣмъ словамъ одного корня, а нерѣдко чередуются: *míra*—*meřiti*, *sníh*—*sněžný*; бываетъ колебанье даже по падежамъ; *míra* образуетъ творный пад. *měrou*, *sníh*—родный *sněhu*. Въмѣсто *í* языкъ старинный и словацкое нарѣчіе (вообще во многихъ чертахъ архаичное) представляютъ дифтонгъ *ie*: *miera*, *bieľý*, *snieħ*, срв. сербскія слова съ замѣною **ѣ** въ юго-западномъ говорѣ посредствомъ *ije*: *бијели*, *снијег*. Изъ сербекаго языка извѣстно также чередованіе долготы и краткости, подобное чешскому: напр. сравнительная степень **ѣ** *бијели*—*бієльї*.

Юсу широкому (**ж**) соответствуетъ по-старочешски тотъ же звукъ, что по-сербски и по-русски; такимъ образомъ **дж** звучитъ *dub*, **рж**ка—*ruka*; **пж**ть—*pút'*, **сж**дъ—*súd*. Долгое *ú*, сохраняющееся до сихъ поръ въ словацкомъ нарѣчїи, въ обыкновенномъ чешскомъ языкѣ перешло въ дифтонгъ *ou*: *pout'*, *soud*. Такъ же, какъ при замѣнѣ **ѣ**-я, и здѣсь является чередованіе *u* съ дифтонгомъ, равное старинному чередованію краткости съ долготой. При словѣ *soud* стоитъ *sudí* (**сж**дн судья); при *trouba*—производное *trubný*; глаголъ совершеннаго вида *poroučiti* образуетъ видъ несовершенный *poroučeti*.

Юсь узкій (**л**) имѣлъ первоначально въ чешскомъ языкѣ ту же замѣну, что и въ русскомъ, т. е. **а** съ предшествующею мягкостью, только это **а** могло быть и краткимъ, и долгимъ. Однако звукъ **а** на мѣстѣ **л** во многихъ случаяхъ подвергся вторичному измѣненію или въ *e*, или въ *i*. На какомъ основаніи является такая замѣна, объ этомъ рѣчь будетъ ниже. *Ja* (**а**), какъ замѣна **л**, слышится въ словѣ *jazyk*, въ причастїи терпномъ *st'at* (казненъ, староцерк. **сѣ**татъ отъ глагола **сѣ**тати—**сѣ**тънж, срубить) и во множинѣ *kot'ata* (котятъ); въ словѣ *pátek* (**п**атѣкъ—**п**ятокъ, **п**ятница) мягкость утратилась.

Вмѣсто умягчительнаго **а** мы находимъ *e* напримѣръ въ слѣдующихъ случаяхъ: *ještěn* (**ѣ**шѣнъ), *pět* (**п**ять), *deset* (**д**есать). Въ другихъ словахъ на мѣстѣ **л** имѣемъ *í*; изрѣдка, чуть ли не въ одномъ только словѣ—*í* (вѣроятно это не звуковое явленіе): *přísti* **п**расти. *pořítí*—**п**оуати; инфинитивъ къ *st'at* есть *stíti*. Опять-таки замѣчается колебаніе въ количествѣ гласнаго, а вслѣдствіе того и въ огласовкѣ. Мы уже видѣли такой примѣръ на *stíti* и *st'at*; приба-

вимъ настоящее къ инфинитиву *přísti* — *předu*, и меньшелицу *kot'átko* котеночекъ, при *kot'ata* (единное число — *kotě* **кота**, **котенокъ**).

Звукъ **оу**, на счетъ котораго въ большинствѣ славянскихъ языковъ не приходится распространяться, въ чешскомъ вызываетъ на замѣчаніе. Мы видѣли, что **ж**, будучи замѣненъ черезъ **и**, при долготѣ произношеніи, въ новочешскомъ обратился въ дифтонгъ **ои**. То же происходитъ и съ исконнымъ **ѣ**. Напр. инфинитивъ **плоути** является въ видѣ *plouti* (стар. *plúti*); **боури** звучитъ *bouře* (стар. *!búře*). Отмѣтимъ чередованіе **ои** и **и**: *sukno*, но *soukenný*, *suchý*—*souše*, *kupes*—*koupiti*.

Звукъ **ы**, который несомнѣнно существовалъ въ чешскомъ языкѣ, и для котораго Гусъ установилъ знакъ **у**, слился у чеховъ со звукомъ **і**. Однако между этими звуками сохраняется разница послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ. А именно послѣ мгновенныхъ зубныхъ, **d**, **t**, **n**, древніе **ы** звучатъ нѣсколько шире, чѣмъ **і**, и вмѣстѣ съ тѣмъ согласный довольно твердъ; **і** же звучитъ узко, и согласные — мягки; такъ староцерк. **ти**=*tí* (т'и); **ты**=*ty* (=т'и^а); *had* (**гадъ**—змѣя) образуетъ множнй назывникъ *hadí*, винильникъ—*hady*; *ráp*—*ráni* и *rápu*. Слѣды древней двойственности сохраняются также при звукѣ **г**, хотя тутъ гласный звукъ одинъ и тотъ же, но имѣется передъ древнимъ **і** превращеніе **г** въ звукъ шепелявый: *houser* гусакъ, множнй назывникъ *houseří*, винильникъ—*housegy*. Древняя двойственность проявляется и тамъ, гдѣ задненѣбные согласники подвергаются смягченію: *voják* солдатъ — *vojáci*, вин. *vojáky*. Но это не доказываетъ существованія у чеховъ мягкихъ слоговъ **кі**, **гі**, **хі**, т. е. смягченные согласные были унаслѣдованы чехами отъ славянскаго праязыка, представлявшаго окончанія вроде **аци** и **акы**, между тѣмъ какъ *houseří*, гдѣ **г** смягчился на чешской почвѣ, указываетъ, что была когда-то форма **húseří* съ мягкимъ **г**; впрочемъ о существованіи нѣкогда твердыхъ слоговъ **кы**, **гы**, **хы** свидѣлствуетъ самая орфографія съ **у**—*ky*, *hy*, *chy*: *kyselý*, *hynouti*, *chytrý*. Будучи долгимъ, звукъ **ы** въ чешскомъ языкѣ перешелъ, примѣрно въ XIV столѣтіи, въ дифтонгъ **ej**, который прежде писался **au**. Въ чешскомъ просторѣчии и господствуетъ произношеніе **ы** за **ej**: *býk* = *bejk*, *býti* = *bejti*, *dobrý* = *dobrej*.

Относительно звука *i*, кромѣ совпаденія его съ *ы*, слѣдуетъ отмѣтить, что онъ въ началѣ словъ можетъ становиться неслогóвымъ и исчезать, хотя на письмѣ онъ и изображается: *j-d-u* = *du*, съ отрицаніемъ однако будетъ *nejdu*; *j-h-o* = *ho* (*нго*).

Вмѣсто звука *o* чешскій языкъ иногда представляетъ *u*, а именно вмѣсто *o*—*ū*, которое пишется *ů*. Это *o* перешло прежде всего въ дифтонгъ *uo*, который сохраняется въ словацкомъ нарѣчьи, въ какихъ-нибудь *stuol*, *kuoň*, *puož* = чешск. *stůl*, *kůň*, *půž*, первоначально *stól*, *kóň*, *póz*. Звукъ *o*, разложившійся въ дифтонгъ *uo*, а потомъ стянувшійся въ *ū*, развился въ слогахъ замкнутыхъ, преимущественно передъ согласными звонкими. Такимъ образомъ, когда слогъ становится открытымъ, вмѣсто *ū* является *o*: *stůl*, рѣдникъ—*stolu*, *kůň*—*koně*, *půž*—*pože*; напротивъ того, отъ *lože* меньшительное будетъ *lůžko*. Иногда, вслѣдствіе вліянія однѣхъ формъ на другія, звукъ *ū* можетъ попасть въ открытый слогъ, и *o* въ замкнутый; такъ *strom* (*arbor*) представляетъ *o* вмѣсто *ū*, а меньшительное *strůmek* представляетъ *ū* въ открытомъ слогѣ; но очевидно *o* вм. *ū* и *ū* вм. *o* идутъ изъ косвенныхъ падежей, гдѣ *stromu* и *strůmku* вполнѣ законны. Назывной падежъ *stromek* также имѣется, но онъ въ свою очередь породилъ косвенники *stromku* и т. д. Подобное же измѣненіе звука *o* встрѣчается и въ другихъ славянскихъ языкахъ. У сербовъ этотъ звукъ бываетъ въ замкнутомъ слогѣ долгимъ, а въ открытомъ краткимъ: *Bôg*—*Bôga* (по-чешски *Bůh*, *Boha*); соотвѣтственно этому въ малорусскомъ нарѣчьи *o* обращается въ *i*: *kůň*—*кѣнь*, рѣдникъ *коня*; въ областной малорусской рѣчи имѣются и другія замѣны *o*, именно *uo*, *ue*, *ui*, *u*, *ū*, изъ которыхъ *uo* и *u* повторяются и въ чешскомъ языкѣ. *U* изъ долгаго *ō*, чтò пишется *ó*, имѣется и польски: *Bóg*—*Boga*.

Что касается огласовки *плавно-чистыхъ* созвучій, тѣхъ созвучій, гдѣ русскій языкъ представляетъ полногласіе, то здѣсь чешскій языкъ сходится со староцерковнымъ: городъ, градъ—*hrad* (зámokъ); молотъ, млатъ—*mlat*, мръжа, мерѣжа—*mříže*, молоко, млеко—*mléko*. Подобно русскому языку и чешскій иногда представляетъ вмѣсто узкой огласовки—широкую: жолобъ—*žlab*, староцерк. *жльбъ*. Отмѣтимъ еще соотвѣтствіе, замѣчаемое между чешскимъ количествомъ гласныхъ въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ и русскою акцентовкой. По закону, подмѣченному Пухмайеромъ (*Puchmayer*) и Катковымъ, когда

русское полногласное слово имѣть удареніе на второй части полногласія,—по-чешски является долгота: ворона—vrána, корова—kráva, болото—bláto (грязь, лужа), солома—sláma, берёза—bríza, мёрзжа—mríza, молотъ—mlíti; когда же удареніе на первой части, тогда является краткость: город—hrad, ворот—vrat, молот—mlat, золото—zlato, берег—břeh, дерево—dřevo. Когда удареніе находится не на полногласіи, а на слѣдующемъ слогѣ, то замѣчается колебаніе: борода—brada (подборода), сторона—strana, голова—hlava, а съ другой стороны: борона—bránu, борозда—brázda, долото—dláto, волокно—vlákno. Чешское количество въ этихъ случаяхъ отчасти можетъ быть объяснено изъ другихъ падежей, которые имѣютъ иную акцентовку; такъ выговоръ hlava, brada легко объясняется изъ винильниковъ бороду, голову; vlákno изъ множины волокна. Дѣйствительное исключеніе представляютъ лишь два слова: straka и dlaň, при русскихъ сорока и ладо́нь (обл. долонь).

Остановимся теперь на явленіи чешскаго вокализма, которое особенно для него характерно: это—*суженіе* (по другой терминологіи—перегласовка), т. е. превращеніе первоначально-широкихъ гласныхъ въ узкіе. Суженію подвергаются *а* и *и*, при чемъ *а* обращается въ *е*, понятно *ѣ* въ *ѣ*, *ѧ* въ *ѣ*; долгое *е* въ послѣдствіи подверглось вторичному измѣненію. Для суженія звука *а* можно выставить такой законъ: *а* подвергается суженію послѣ мягкихъ согласныхъ (въ томъ числѣ *ј* и первоначально-мягкіе шипящіе), однако за звукомъ *а* не должно быть твердаго согласнаго. Такимъ образомъ, говорятъ jesen ясень, nádeje (надежда, малорус. надія), bouře буря, duše душа; староцерк. ѡгна (обыкновенно агна) даетъ jehně (на этомъ примѣрѣ видно, что безразлично, какого происхожденія *а*: древнее ли или изъ *ѧ*); mlčeti молчать (въ этомъ словѣ *а* произошло само изъ *ѣ*; чехи однако унаслѣдовали фонему млчати). Примѣры на сохраненіе *а*. передъ твердостью: jazyk, jaro весна, čas время, kot'ata.

Долгое *ѧ*, сузившись сперва въ *ѣ*, потомъ превратилось въ *і*: yma dalo s'ěse, а позднѣе современное s'ise; при словѣ nůz имѣется производное nůž, вышедшее изъ nůž'et = *ножарь; пражда является въ видѣ přěze, příze. Сохраненіе *ѧ* передъ твердостью замѣчается напр. въ словахъ kot'átko, jáma, čary.

Въ числѣ нашихъ примѣровъ на суженіе *а* нѣкоторые представляютъ *а* вторичное, изъ *ѧ*, и мы видимъ теперь, почему юсу узкому

не всегда соотвѣтствуетъ *а* съ предшествующею мягкостью, а весьма часто *е* или *і*.

При суженіи мы опять-таки замѣчаемъ колебаніе въ огласовкѣ: *а* то суживается, то сохраняется. Можно повторить нѣкоторые изъ примѣровъ, уже раньше встрѣчавшихся, но не освѣщенныхъ съ этой точки зрѣнія. Мы видѣли при единномъ числѣ *koťe* множное—*koťata*; это объясняется тѣмъ, что въ первомъ случаѣ *а*, стоя на концѣ, не имѣлъ за собою твердаго согласнаго, а въ *koťata* слѣдующее *t* помѣшало суженію; при *pět* порядковое есть *pátý* (въ *pět*—*t* мягкое или среднее, но твердымъ оно никогда не было); при *hovězí* говяжій является *hovado* говядо, т. е. рогатая скотина. Нерѣдко однако первоначальный законъ нарушается примѣненіемъ однихъ формъ къ другимъ, такъ что можно встрѣтить узкій гласникъ *вм.* ожидаемаго широкаго, и широкий—*вм.* узкаго. Такъ глаголь *трасти-трасъ-трасси* въ нѣкоторыхъ формахъ подлежалъ суженію, а въ другихъ—нѣтъ: *трасти*, *трасси* должны были сузиться, а *трасъ* сохраниться; прошедшее причастіе *элевое* *трасъ* также не должно было суживаться. Въ старочешскомъ дѣйствительно и было *trěsti*, *trěseš*, но *trasu* и *trásti*; однако въ новочешскомъ мы имѣемъ *вм.* *trasu*—*trěsu*, а напротивъ инфинитивъ *trěsti*, который долженъ былъ звучать *trísti*, превратился въ *trásti*, черезъ примѣненіе къ *элевому* причастію и къ сущину *трасть*, *trást*. Подобнымъ же образомъ *масти-матъ* должно бы звучать, и первоначально звучало *městi*, *měteš*, но *mátí* и *matu*; однако новочешскій языкъ произвелъ въ этомъ случаѣ полное подравненіе и провелъ вездѣ *а*: *másti*, *máteš*.

Звукъ *а* подвергается суженію и *подъ вліяніемъ слѣдующаго j* (*j*): *ај* переходитъ въ *еј*, напр. *велительное* къ глаголу *dáti* звучитъ *dej*; **крануни* (портной) перешло въ *krejčí*. Такимъ образомъ кромѣ обыкновеннаго, поступательнаго суженія звука *а* замѣчается также суженіе обратное. Однако долгое *а* суженію передъ *j* вообще не подлежитъ, да и *я* нерѣдко сохраняется: *гај*, *háј* (малорус. *гай*—роща); *крај*, *tajnú*. По Гебауеру обратное суженіе произошло только въ замкнутыхъ слогахъ, откуда также нерѣдко устранялось путемъ подражанія: *крај* *вм.* *krej*, *подъ вліяніемъ* косвенниковъ *кра-је* и т. д., *tajnú* *вм.* *tejnú*, *подъ вліяніемъ* *tajemnú* и *tajiti*.

Другой звукъ, подвергающійся суженію, *у*, даетъ *і*: *јиносе*—юноша, *јih*—югъ, *lid*—людь, *klíc*—ключъ. Чтобы имѣть примѣры,

гдѣ бы и было вторичное, изъ ж, возьмемъ 1-е лицо глагола píti—píji.

Суженіе *a* и *и* произошло въ разное время: первое состоялось ранѣе и восходитъ къ старѣйшимъ временамъ чешскаго языка—къ XIV столѣтію оно уже завершилось, а суженіе звука *и* въ это время только начиналось. Поэтому и условія ихъ появленія различны: суженіе *и* не обусловливается слѣдующимъ звукомъ—*jih* и *lid* представляютъ суженіе передъ древнею твердостью. Объясняется это тѣмъ, что въ древнѣйшій періодъ чешскій языкъ имѣлъ твердые согласные, а къ XIV вѣку эти согласные обратились въ средніе и потому не препятствовали суженію. Суженіе находитъ себѣ аналогію въ другихъ языкахъ. Въ русскомъ языкѣ, напр., извѣстно сѣверное суженіе *a* въ *e* посреди мягкихъ: *меч* вмѣсто *мяч*, *прѣник* вмѣсто *прѣник*. Особенно развито суженіе въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ грамматики называютъ его перегласовкою (Umlaut): Hand—Hände, по-старонѣмецки hant—henti; schön—старонѣм. skoni, füllen—готск. fulljan. Нѣмецкій языкъ представляетъ аналогію чешскому и въ хронологіи этого явленія: суженіе *a* и тамъ произошло раньше, чѣмъ суженіе *и*. Нѣмецкій языкъ также указываетъ на то, что въ чешскомъ языкѣ *i* произошло не прямо изъ *и*, а между ними была переходная степень—*ü*.

Нарѣчіе *словацкое* не знаетъ суженія; оно сохраняетъ широкіе гласные: klíč—kl'úč; lidé—l'udie; duse—duša и т. д. Также въ нѣкоторыхъ областныхъ говорахъ мы встрѣчаемъ отступленія отъ суженія: у *мораванъ* меньше суженныхъ гласныхъ, чѣмъ у чеховъ; но для звука *a* это слѣдуетъ объяснять позднѣйшимъ возстановленіемъ, тогда какъ относительно *и* надо признать сохраненіе старины.

Стяжение, которое встрѣчается и въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ чешскомъ весьма обычно: здѣсь нерѣдко происходитъ сліяніе двухъ гласныхъ, первоначально раздѣленныхъ исчезнувшимъ вполслѣдствіи *j*. Такъ, глагольная примѣта *a* вмѣстѣ съ темовымъ гласнымъ *e* даетъ *á*: играешн—hraš; *aja* и *oja* также даютъ *á*: добраа—dobrá, моа—má; *aje* и *uje* у членовыхъ прикладковъ даютъ *é*: добраго—dobrého, доброуемоу—dobrému. На двоякое стяженіе *aje*—въ *á* у глаголовъ и въ *é* у прикладковъ—д. б. вліяли акцентныя условія (при существованіи еще разномѣстнаго акцентованія): *á* могло развиваться у глаголовъ, у которыхъ удареніе падало на *a*; кромѣ

того и тамъ, гдѣ *a* не было ударяемымъ, появленію *á* могло благопріятствовать присутствіе *a* въ другихъ формахъ, какъ напр. въ инфинитивѣ—*dělati*; у прикладковъ же удареніе было большею частью на корнѣ—этими можно оправдать появленіе *e*, и не за чѣмъ поэтому, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, предполагать формы *dobrojejo*, *-ojeju*.

Приведемъ теперь соотвѣтствіе чешскихъ гласныхъ староцерковнымъ въ видѣ таблицы.

A—1)=*a*: *dáti*, *hřad*, 2)=*ā*: *koťata*, *pátý*.

E—1)=*e*: *zena*, 2)=*ē*: *les*, *břeh*, 3)=*ȳ*: *sen*, 4)=*ȳ*: *den*, 5) *e* есть вставка, подражаніе органической бѣглости: *báseň* стихотвореніе—**баснь**, *ohně*—**огнь**, *her*—**нгрѣ**, 6 и 7) *e* является плодомъ суженія *a*, которое само можетъ быть исконнымъ, или замѣнять *ā*: *jesen*—**псень**, *koťe*—**кота**.

I—1)=*i*: *list*, 2 и 3) можетъ быть плодомъ суженія *u* исконнаго: *lidé*—**людиѣ**, или=*ж*: *říji*—**пниж**, 3 и 4) *i* есть плодъ суженія *a*, исконнаго: *číše*—**ѹша** или=*ж*: *prísti*—**прѣсти**, 5)—плодъ стяженія *ia*, *ie*, *iü*, въ которыхъ первоначально второй элементъ подвергался суженію: *psaní* письмо=**пѣсаннѣ**.

U и ou—1)=*ou*: *sukno* и *soukenný* и 2)=*ж*: *sudí* **сждѣн** и *soud* **сждѣ**.

Оговорю здѣсь, что число звуковъ, совпадающихъ въ одномъ *e*, въ болѣе раннее время, какъ указалъ Гебауеръ, было меньше: *a* именно различались древнее *e* и *e* изъ глухихъ съ одной стороны и *e*=*ȳ* и возникшее путемъ суженія—съ другой; въ первомъ случаѣ являлось просто *e*, а во второмъ *e*. предшествующее неслогóвымъ *i*, выражавшемся на письмѣ буквою *y*. Итакъ писали *p-e-s-u*, *p-e-h-o*, что читалось *pesu*, (*do*) *ňeho*, и *p-y-e-z-n-y*, *w-o-n-y-e*, *k-o-t-y-e*, что читалось *nězný*, *vönje*, *koťe*.

Согласные звуки.

Смяченіе мгновенныхъ зубныхъ, *t* и *d*, т. е. превращеніе первоначальныхъ сочетаній *tj* и *dj*, даетъ въ чешскомъ языкѣ *s* и *z*: староцерковное **сѣшита**, русское **сѣвѣча**, звучить *svíce*: **пишита**, русское книжное **пища**, *вм.* *-ча*—*říce*; **врашитати**, наше **ворочать**—*vracetí*; **межда**, **межа**, будетъ *meze*; **нжеда**, наше народное **нѣжа**,—*pouze*; глаголу угождать (мы имѣемъ славянскую фонему) соотвѣтствуетъ употребляю-